

8. Kurganov E. Dekadentskaya madonna [The Decadent Madonna]. *Gippius Z. Zhivyye litsa* [Living Faces] Vol. 1. Tbilisi, 1991, pp. 5–24. (In Russian).

(Monographs)

9. Butkova O. *Zinaida Gippius. Muza D.S. Merezhkovskogo* [Zinaida Gippius. D.S. Merezhkovsky's Muse]. Moscow, 2017. (In Russian).

10. Otto R. *Svyashchennoye: Ob irratsional'nom v ideye bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [The Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and its Correlation with the Rational]. Saint-Petersburg, 2008. (In Russian).

11. Polonskiy V.V. *Mezhdru traditsiyey i modernizmom. Russkaya literatura ru-bezha XIX–XX vekov: istoriya, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 20th Century: History, Poetics, Context]. Moscow, 2011. (In Russian).

12. Sugay L.A. *Gogol' i simbolisty* [Gogol and Symbolists]. Moscow, 1999. (In Russian).

13. Zenkin S. *Nebozhestvennoye sakral'noye. Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [Undivine Sacred. Theory and Artistic Practice]. Moscow, 2012. (In Russian).

Андрейчук Ксения Руслановна, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Научные интересы: русский модернизм, скандинавистика, достоевистика, миф, архетип.

E-mail: enantiosemia@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8906-9607

Kseniia R. Andreichuk, A.M. Gorky Institute of World literature of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Senior Researcher. Research interests: Russian modernism, Scandinavian studies, Dostoevsky studies, myth, archetype.

E-mail: enantiosemia@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8906-9607

DOI: 10.24411/2072-9316-2020-00038

А.С. Акимова (Москва)

**ОБРАЗ ДВОРЯНСКОЙ УСАДЬБЫ В РАССКАЗЕ
А.Н. ТОЛСТОГО «НОЧЬ В СТЕПИ»***

Аннотация. Статья посвящена одному из малоизученных рассказов А.Н. Толстого «Ночь в степи», который был написан в Париже в 1911 г., но с опорой на воспоминания о жизни на степном хуторе Сосновка, где прошло детство и юность писателя. В исследовании применяются биографический, социокультурный и текстологический подходы к изучению текстов, что позволяет воссоздать историко-литературный контекст времени создания рассказа, выявить интертекстуальные и автоинтертекстуальные связи произведения. В рассказе «Ночь в степи» нашли отражение и хозяйственные заботы семьи, и взаимоотношения с помещиками соседних усадеб, в частности, с представителями знаменитого рода Шихобаловых, и происходящие после начала аграрной реформы П.А. Столыпина волнения в Самарской губернии. В статье предпринят сравнительный анализ двух текстов этого рассказа: впервые опубликованного в газете «Речь» в 1911 г. и исправленного автором для второй книги сочинений, вышедшей в 1912 г. В результате работы над текстом рассказа для тома сочинений автором были скорректированы образы владельца усадьбы, самодура-помещика, и его дочери. Толстой усилил саркастическую тональность в изображении усадьбы и ее обитателей, устранив романтические характеристики, отсылающие к «усадебному тексту» русской классической литературы. В результате авторской правки был создан обобщенный образ русской дворянской усадьбы рубежа веков, в которой сохранились лишь внешние приметы быта и образа жизни владельцев, неприспособленных к стремительно изменяющимся социально-политическим и экономическим условиям.

Ключевые слова: литература модернизма; ранние рассказы А.Н. Толстого; «усадебный текст»; «усадебная культура»; аграрная реформа; мотив дуэли.

A.S. Akimova (Moscow)

**The Image of Estate in the Story by A.N. Tolstoy
“The Night in the Steppe”****

Abstract. The article is devoted to the one of the less-studied A.N. Tolstoy's stories “The Night in the Steppe” which was written in Paris in 1911, but based on his memories about life on the Sosnovka where the writer spent his childhood. Biographic, socio-cultural and textological methods for examining texts allow to recreate the historical and literary context of the time when the story was created, to study the intertextual and autointertextual connections of the story. It reflected Tolstoy's family economic

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта РФФ (проект № 18–18–00129).

** This study in IWL RAS was supported by Grant from the RSF (project no. 18–18–00129).

concerns and relations with landowners of the nearest estates, in particular, with the member of the famous Shikhobalov's family. It also showed the unrest in the Samara Region, that took place after the beginning of Stolypin's agrarian reform. In the article the comparative analysis of two texts of this story was attempted: the first text was published in the newspaper "Rech" in 1911 and the second was corrected by the author for the second book of works, published in 1912. Tolstoy corrected the story for the volume of his collected works as a result the images of the willful owner of the estate and his daughter were transformed. Tolstoy strengthened the sarcastic tonality in the image of the estate and its inhabitants and eliminated the romantic characteristics referred to the estate tests of Russian literature of the 19th century. As a result of copyright editing, a generalized image of a Russian noble estate of the turn of the century was created, in which only external signs of life and lifestyle of the owners, unsuitable for rapidly changing sociopolitical and economic conditions, were preserved.

Key words: literature of modernism; A.N. Tolstoy's stories; estate text; nobiliary culture; agrarian reform; duel motive.

А.Н. Толстой стал одним из свидетелей и летописцев умирания дворянской «усадебной культуры» и связанного с ней быта. Не только в цикле «Заволжье», но и в ряде малоизученных рассказов 1910-х гг., которые не включались автором в собрания сочинений 1930-х гг. [см.: Толстой 1929–1930; Толстой 1927–1931] и потому не привлекли внимание исследователей, он воспроизвел в мельчайших подробностях жизнь русского дворянства в пору трагического перелома. Принадлежавший двум старинным русским родам (Тургеневых и Толстых), выросший на степном хуторе отчима (А.А. Бострома) в Самарской губернии в окружении дворянских усадеб, А.Н. Толстой хорошо знал повседневный быт и хозяйственные заботы мелкопоместных хозяев. Несмотря на то что в семье поощрялась дружба мальчика с крестьянскими детьми, у него рано сформировалось ощущение своей сословной избранности, принадлежности к «престижному» социальному слою, что тревожило родителей. 20 ноября 1897 г. Александра Леонтьевна, мать А.Н. Толстого, писала Бострому: «Лелька говорит: “Вот теперь я понимаю преимущества города, так провести вечер, это не то, что курить или бегать по Большой улице за барышнями. Тут, по крайней мере, в своем обществе, в дворянском”. Каково это тебе покажется? Откуда это у него? Вот и отвергай после этого, что долголетние социальные перегородки не входят в природу человека» [цит. по: Скобелев 1981, 161]. Бостром, с одной стороны, разделял опасения Александры Леонтьевны, так как считал опасным и вредным воспитание в «тепличных условиях помещичьего быта» [Алексей Толстой и Самара 1982, 13]: основанное на чужом труде, оно не подготавливало к жизни. С другой стороны, он писал ей о притягательной силе русской дворянской культуры: «В том, что Лелю тянет в среду “дворянскую”, – в этом я не вижу доказательства того, что долголетние социальные перегородки входят в природу человека <...>. Один Тургенев! – и Толстой, да почти вся наша литература в лице корифеев, – возводила дворянскую среду на известную высоту» [Алексей

Толстой и Самара 1982, 13].

Рассказ «Ночь в степи» (1911) был написан Толстым в Париже, куда он приехал вслед за С.И. Дымшиц и где 10 августа у них родилась дочь Марианна. При этом материалом для него послужили воспоминания о жизни на хуторе Сосновка, где семья Толстого жила до 1897 г. В основе рассказа – происшествие с мелкопоместным дворянином Алексеем Петровичем Видиняпиным, который направляется взыскать долг – поверенных под расписку холощенных быков. Вероятно, рассказ был создан с опорой на воспоминания Толстого о хозяйственных заботах родителей на хуторе Сосновка и их взаимоотношениях с представителями влиятельного купеческого рода Шихобаловых. Так, например, 13 октября 1887 г. Бостром, нуждаясь в деньгах, писал жене о планах покупки быков в Самаре с целью перепродажи: «Дело в том, что в Москве, говорят, мясо, т<о> е<сть> быки подорожали, и только в Самаре по случаю недорода они еще дешевы <...> Я вот и мог бы посадить в 3 вагона 25 быков и везти их в Москву. А то Шихобалов за долг дает лишь по 40 рублей. Все бы взяли по 70 р<ублей>. Право, узнай, Саша. Ценой быки, конечно, бывают разные, но все же можно узнать, как цены на них идут: к повышению или понижению» [ОР ИМЛИ. Ф. 43. Инв. № 6330/8. Л. 3–4].

Фамилия Шихобалов упоминается в рассказе в речи промотавшегося самодура помещика, бывшего предводителя дворянства, который не собирается возвращать долг: «Как объявлю – сейчас купца Шихобалова на березу...» [Толстой 1982, 407]. Иван Никитич Шихобалов – представитель одного из самых богатых и влиятельных купеческих родов Самарской губернии, владелец земель в Колокольцовской волости Николаевского уезда, один из его хуторов располагался на реке Чагре, как и Сосновка, хутор Бострома. Толстой дружил с детьми Шихобалова [Алексей Толстой и Самара 1982, 56]. Его семья неоднократно обращалась к Шихобаловым, Ивану Никитичу и Антону Николаевичу, за помощью, занимала денег на хозяйственные нужды. Вопросом долга А.Н. Шихобалову, или «Дамоклова меча Шихобалова», как о нем говорится в переписке родителей, пришлось заниматься и Алексею Толстому: 1 августа 1896 г. он писал матери о визите шихобаловского приказчика, требовавшего уплатить проценты [Алексей Толстой и Самара 1982, 104].

Другое воспоминание, нашедшее отражение в рассказе «Ночь в степи», связано с поездкой Толстого в Самару летом 1906 г., когда все Поволжье было охвачено пожарами вследствие крестьянских волнений [подробнее см.: Гарбуз 2012]. В самом начале рассказа ямщик указывает Видиняпину и его попутчику, землемеру, на горящее село: «А вон и село горит, – сказал вдруг ямщик, показав рукой в ночную даль, где, медленно мигая, раскинулось дымное зарево красным хвостом» [Толстой 1982, 400]. Народное недовольство было спровоцировано роспуском Николаем II 9 (22) июня 1906 г. I Государственной думы, просуществовавшей 72 дня. В очерке «Непостижимое» Толстой писал: «Поездка по Волге была жуткой. В то лето начались аграрные беспорядки, и по ночам горизонт пылал

заревом пожаров.

Тревожность не покидала моей души. Было что-то томящее, смутное и тяжелое, что не оставляло меня ни на минуту» [Алексей Толстой и Самара 1982, 33]. Это описание связано с изображением природы в тексте первой публикации в газете «Речь»: «...полыхает еще над соломенными деревнями по ночам и багровый огонь, и, глядя на него, отчаивается человек» [Речь 1911, 3]. Готовя текст рассказа для собрания сочинений, автор опустил эпитет «соломенными» и финал «и, глядя на него, отчаивается человек»: «полыхает еще над деревнями по ночам и багровый огонь» [Толстой 1912, 191], отчего изменилась тональность всего повествования. Этому способствовала и правка в изображении степи: «вьется невидимая пыль, оседая на сероватые под звездами давно выжженные, покинутые хлеба» [Речь 1911, 3] – в тексте 1912 г., вышедшем вскоре после первой газетной публикации. В тексте рассказа, опубликованном в томе сочинений [Толстой 1912], «давно выжженные, покинутые хлеба» автор заменил на «траву»: «вьется невидимая пыль, оседая на серую под звездами траву» ([Толстой 1912, 191], далее в статье: *Шиповник (1)*).

Другая примета начала XX века, важная в контексте умирания дворянской «усадебной культуры», связана с образом попутчика Видиняпина – землемера. В результате аграрной реформы (1906–1913), проводившейся правительством России под руководством министра внутренних дел и председателя Совета министров П.А. Столыпина, многие дворяне лишались своих земель, исконные помещичьи наделы перепродавались на льготных условиях крестьянам, становились их частной собственностью, что приводило к размыванию сословных границ. О настроениях помещичьего дворянства в связи с появлением новых землевладельцев и утрате прежнего влияния и власти на происходящее в уезде и говорит землемер: «Но пришли тяжелые года: земля стала уплывать из-под дворянских ног, да так живо, что остался в уезде один Вадим Андреевич, да и у того были отхвачены немалые куски.

Кругом в имениях засели новые люди, повырубили сады, перекрасили дома, с мужиками повели иные порядки. Один кудрявый купчик сунулся было к Вадиму Андреевичу на поклон <...> но Тараканов собственноручно скovyрнул купчика с крыльца, заперся и объявил: “Покуда, мол, всю сволочь из уезда не выгонят – ноги не вынесу за околицу”. И слово свое сдержал...» [Толстой 1982, 402–403].

В связи с этим остановимся подробнее на одновременно трагическом и комическом образе должника, владельца усадьбы, помещика Вадима Андреевича Камышина, к которому герой рассказа, Алексей Петрович Видиняпин, направляется, чтобы взыскать долг. Его фамилия для тома сочинений Толстого была изменена на Тараканов. Подвергся авторской правке для *Шиповник (1)* и рассказ попутчика, землемера, о Камышине и, напротив, добавлены слухи о его дочери. Сравним текст газеты «Речь» с опубликованным в *Шиповник (1)*:

«...но Камышин собственноручно скovyрнул его с крыльца, заперся и объявил, что “покуда всю, мол, сволочь из уезда не выгонят – ноги не вынесу за околицу”. И слово свое сдержал...»

А тут пошли про Камышина и про дочку его, Зою, необыкновенные слухи. Будто днем они спят, а ночью по дому бродят. Высунется Вадим Андреевич на балкон, погрозит кулаком селу, что за прудом дремлет, и приметя у себя в зале водку пить. Тогда начинают ему представляться несообразные вещи: разговаривает он с кем-то, а потом как начнет кричать и ко окнам бросаться... ужас. Даже приказчик раз его собрал сундучок и говорит: “Лучше я с голода помру, чем страх такой терпеть”, – и уехал... А про Зою совсем уже несуразное плетут...» [Речь 1911, 3].

«...(про дочку его бог знает что плетут, говорят: городская она совсем – в городе воспитание получила, худая, как вермишель, стихи пишет и коньяк пьет); но Тараканов собственноручно скovyрнул купчика с крыльца, заперся и объявил: “Покуда, мол, всю сволочь из уезда не выгонят – ноги не вынесу за околицу”. И слово свое сдержал...» [Толстой 1912, 194].

Изменения коснулись образа владельца усадьбы. В рассказе, опубликованном в газете «Речь», Видиняпин, войдя в гостиную, видит пьяного человека с «круглым и красным» лицом [Речь 1911, 3], в тексте *Шиповник (1)* лицо персонажа «круглое» [Толстой 1912, 196]; в тексте газеты барин описан сидящим в кресле: «на голых и растопыренных ногах его покоился живот, прикрытый ночной рубашкой, которую он оттягивал на груди, чтобы продувало» [Речь 1911, 3], в *Шиповник (1)* описание «которую он оттягивал на груди, чтобы продувало» заменено на более нейтральное «расстегнутой на груди» [Толстой 1912, 196]. Испуганный внезапным появлением нежданного гостя, пьяный барин выгоняет его, однако позднее, во время второй встречи, вероятно осознав свою ошибку, уже радушно встречает Видиняпина и с извинениями прижимает к груди: эпитет «потной груди» был заменен на «жирной груди» [Толстой 1912, 198]. В тексте газеты «Речь» в сцене кружения с внезапно появившейся в гостиной Зоей перед глазами Видиняпина мелькают разнообразные предметы и «полуголый Камышин»; в рассказе, исправленном для издания *Шиповник (1)*, «полуголый Камышин» заменен на «Вадим Андреевич Тараканов»: «поплыли перед глазами его три окна, комод, часы, трюмо, диванный угол, столик с бутылками, Вадим Андреевич Тараканов, олени рога над дверью, потом опять окна, все быстрее и быстрее...» [Толстой 1912, 199–200].

Описывая обеды, которые устраивал Тараканов, в тексте, опубликованном в *Шиповник (1)*, автор сократил развернутое описание «четыре раза в году устраивал Тараканов обед, на котором до того все перепивались, что долго не могли разъехаться и требовали несуразного. А потом каждый звал всех к себе, извиняясь по средствам» [Речь 1911, 3], убрав «на котором до того все перепивались, что долго не могли разъехаться и требовали несуразного».

В тексте газеты «Речь», произнесся монолог о тайном комитете по вос-

становлению прав дворянства, барин, «упершись в бока, колыхался, распаяясь гневом» [Речь 1911, 3]; в *Шиповник (1)* он, «упершись в бока, распаялся гневом» [Толстой 1912, 200].

В тексте, опубликованном в газете «Речь», в сцене визита Мак-Магона Камышин бросился к гостю, сделав «собачьи глаза», в томе *Шиповник (1)* – «вежливые глаза». Рассказанная землемером история с посещением барином французского военного и политического деятеля, участника Крымской войны (1853–1856), австро-итало-французской войны 1859 г. и франко-прусской войны (1870–1871) маршала Мак-Магона привлекла внимание критики. А.Б. Дерман, говоря о злободневности созданных Толстым художественных образов дворян-насилльников, отмечал типичность поступка сумасбродного предводителя дворянства (*maréchal de Noblesse*) Вадима Тараканова, явившегося к прославленному маршалу: «Редко какому писателю выпадает такая удача, как гр. Толстому: выступить со своими образами, с тем новым, что они несут, прямо навстречу общественной потребности. Появись его Мишука Налымов или Вадим Тараканов, отправившийся зачем-то в Париж и оставивший затем у Мак-Магона карточку “Wadim, мол (какая тонкость это “мол”!) Tarakanoff, maréchal de Noblesse”, и, когда недоумевающий Мак-Магон явился с ответным визитом к незнакомому “маршалу”, произнесший первые припомнившиеся французские слова: “Пуркуа, мол, пердю Седан”, – появись они, повторяю, 10 лет назад, многие бы в них не поверили. Сказали бы: выдумка, анекдот, в лучшем случае – гротеск <...> И мы знаем, что, быть может, Wadim Tarakanoff и выдуман автором, но он не анекдот, он выдуман в стиле правды: ведь читали же мы телеграмму с упреками Вильгельму второму, – разве не Wadim Tarakanoff ее составлял и отправил?» [Дерман 1914, 127]. Образ Тараканова рассматривался Дерманом в ряду других героев Толстого: Налымова, Образцова, братьев Ртищевых, Окоемова, «психологических портретов героев дня», по определению критика. «Не склонный к множественным обобщениям единичных наблюдений, гр. Толстой долгое время с непосредственностью беспримесного художника зарисовывал в свой альбом черту за чертой, фигуру за фигурой этих монстров, покуда, наконец, эти множественные наблюдения не привели его к обобщению: точно автор поразился, взглядевшись в собственные создания. И воскликнул, пораженный их сходством: – Господи, да ведь Налымов, Тараканов, Ходанский, Образцов, Собакин, – все это *насилльники!*» [Дерман 1914, 126–127].

Изображение Толстым «мерзости и тлена отмирающего стародворянского мира» [Михайловский 1939, 353] лишено мрачности. Как отмечал Б.В. Михайловский, «герои Толстого уходят в небытие, в безумие, но он дает почувствовать за всем этим торжество жизни, освобождающейся от этих живых мертвецов» [Михайловский 1939, 353]. Сатирические картины распада усадебной жизни и традиционного дворянского быта доведены до комизма, до абсурда. В качестве примера стоит привести анекдотическую ситуацию: взбалмошный барин,

Тараканов, не желающий возвращать долг (холощенных быков) вызывает и без того перепуганного гостя на дуэль:

– Вот что, – воскликнул Тараканов, топнув босой ногой, – мы будем на дуэли драться. Побьешь меня – твои деньги, или быков назад бери. Тут, брат, дело верное.

И Вадим Андреевич вытащил из ломберного стола кремневой пистолет, бормоча: «По очереди, брат, по очереди, на узелки».

Видиняпин, ухватясь за кресло, глядел на пистолет, выкатив глаза [Толстой 1982, 408].

Тараканов, таким образом, превращает традиционный для дворян механизм защиты личной чести и достоинства – дуэль – в фарс. В финальной главе владелец усадьбы предлагает гостю посмотреть быков: «Сидя на дрожках позади просторной спины Тараканова, вздрагивал Алексей Петрович – до того его развезло, а репы, в которые нарочно заехал Вадим Андреевич, пребольно хлестали по ногам, и на кочках так потряхивало, что зубы щелкали и отбилось нутро. Обогнув старый сад, Тараканов въехал на плотину, откуда был виден летавший над прудом туман, грузно повернулся, указал на лесную опушку, на которой лежал скот...» [Толстой 1982, 409].

Поединок между равными превращается в бытовую потасовку: Тараканов сбрасывает Видиняпина под плотину. Очнувшись от падения и страха, герой «побоялся вылезти, – не устроил бы с ним Камышин (в *Шиповник (1)* фамилия героя заменена на «Тараканов». – Прим. А.А.) штуку позлее, и просидел еще до вечера в густой чилиге» [Речь 1911, 4]. В варианте *Шиповник (1)* эта фраза была исправлена: «просидел еще немного в густой чилиге и ползком выбрался из-под плотины» [Толстой 1912, 202].

Вводя в повествование мотив дуэли, пусть и в комической интерпретации, Толстой вновь обращается к актуальной для времени написания рассказа проблеме, широко обсуждавшейся в начале XX в. К концу XIX в. дуэль получила широкое распространение среди разночинцев, что привело к возмущению в дворянской, в том числе военной, среде. В вышедшем впервые в 1908 г. и неоднократно переиздававшемся труде В.А. Дурасова «Дуэльный кодекс» говорилось, что «дуэль может и должна происходить только между равными <...> дуэль, как отомщение за нанесенное оскорбление, возможна и допустима только между лицами равного, благородного происхождения» [Дурасов 1908, 13]. Отсюда, вероятно, в тексте рассказа, опубликованном в газете «Речь», фраза хозяина усадьбы, обращенная к Видиняпину: «...хотя ты и Видиняпин, всего полу-дворянин, а мы будем на дуэли драться» [Речь 1911, 3], начало которой было сокращено при подготовке для *Шиповник (1)*.

С 1905 г. широкое распространение получили «политические дуэли», или «парламентские дуэли», между членами Государственной Думы

[Подробнее см.: Рейфман 2002, 91–92]. Одна из них, вероятно, состоявшаяся 17 ноября 1909 г. и вызвавшая широкий общественный резонанс, – между А.И. Гучковым и графом А.А. Уваровым – вызвала появление доклада, а затем и публикации «Дуэль и уголовный закон» В.Д. Набокова (СПб., 1910), где он призывал отказаться от грубого и нелепого пережитка прошлого. Сам Толстой 22 ноября 1909 г. принимал участие в «литературной дуэли» М.А. Волошина и Н.С. Гумилева в качестве секунданта первого.

Правился автором и облик Зои, дочери бывшего предводителя дворянства и владельца усадьбы, которая внезапно появляется в комнате Видиняпина. В газете «Речь» Зоя была описана как темноволосая: «вдруг спросила она, склонив маленькую голову, отчего темные волосы ее упали волной на плечо» [Речь 1911, 3], в варианте *Шиповник (1)* придаточное предложение было сокращено. Подчеркивалась бледность ее лица в тексте газеты: «на бледном лице», «напугался вдруг словно помертвевшего ее лица», однако эти характеристики были сняты в *Шиповник (1)*. Автор убрал описание трогательных ямочек на щеках («Девушка полузакрывает глаза, и на концах губ ее опять заиграли нежные ямки» [Речь 1911, 3]), заменив изображением движения девушки: «Девушка полузакрывает глаза, мечтательно улыбкулась и охватила колено» [Толстой 1912, 197].

В результате авторской работы над текстом рассказа поведение героини стало более экзальтированным и нервным: в тексте газеты «Речь» героиня «впорхнула» в комнату [Речь 1911, 3], в варианте *Шиповник (1)* вошла «подпрыгивающей походкой» [Толстой 1912, 196]. Автором сокращались отдельные фразы в речи героини в сцене соблазнения Зоей Видиняпина и, соответственно, описание реакции героя: «почувствовал необыкновенное волнение, коснулся влажного и вялого рта девушки, обеспамятел, охватил ее за бока...» [Речь 1911, 3], для издания *Шиповник (1)* фраза была сокращена («почувствовал необыкновенное волнение, охватил девушку за бока...» [Толстой 1912, 198]). В результате авторской правки образ темноволосой, бледной, нежной, милой усадебной барышни трансформируется в образ испорченной жизнью в столице скучающей девицы, экзальтированной и нервной.

Автор внес небольшую правку в изображение усадьбы, заменив глаголы («кончалась» на «окончилась», «въехал» на «вышел» о барском доме), сократив детали («из-за кустов сирени»), поправив описание собак: «дубовая аллея окончилась поляной, наверху полной звезд; из-за кустов углом вышел сюда белый барский дом, с плющом по стене и пятнами облупившейся штукатурки; около стены, брехая, бегали черные собаки на очень высоких ногах. На брех и на оклик Видиняпина показался свет в окне, потом на крыльцо вышел бритый старичок в длиннополом сюртуке» [Толстой 1912, 195].

Из текста рассказа был полностью убран эпитет «штукатуренный» («по штукатуренному коридору», «по штукатуренной стене»); дверь в гостиную в тексте газеты «Речь» была описана как «двухстворчатая» (в *Шиповник (1)* – «широкая»), зал – «огромный», а винтовая лесенка – «скри-

пучая» (в рассказе, опубликованном в *Шиповник (1)*, оба прилагательных были сняты).

В тексте *Шиповник (1)* было сокращено размышление о степной деревне, которое в варианте «Речи» следовало за описанием деревенских изб со скворечниками у ворот: «Ни деревьев не сажают в степных деревнях, ни кустов смородины, а ставят только любезные сердцу скворешни, чтобы было где лето прожить немудрой, бесприютной, веселой птичке – скворцу». Автор отказался и от упоминания летающих над старым прудом грачей: «Обогнув старый сад, въехал Камышин на плотину, где, летая над задымившимся прудом и старыми ветлами, кричали черные грачи». В издании же *Шиповник (1)* читаем: «Обогнув старый сад, Тараканов въехал на плотину, откуда был виден летавший над прудом туман» [Толстой 1912, 195].

Вероятно, описание усадьбы и окружающие пейзажи в тексте рассказа «Ночь в степи» (1911), опубликованном в газете «Речь», также были связаны с жизнью Толстого в Сосновке и потому более конкретными, детальными и эмоциональными: «...я всегда с тихой радостью, даже грустью, вспоминаю свои родные степи, усадьбу, деревню и ушедшие куда-то вдаль родные лица мужиков. Представьте себе широкие зеленые степи, ширь которых убегает вдаль и сливается с бледно-голубым небом...», – писал Толстой в сочинении 1901 г. «Моя родина» [Алексей Толстой и Самара 1982, 285]. При подготовке текста для издания *Шиповник (1)* автор убрал детали в изображении усадьбы, изменив и общую тональность повествования: меланхолическое воспоминание о детских годах, проведенных с родителями на степном хуторе, в результате правки превратилось в комический рассказ об одном из представителей дворянской культуры, «медленно погружающейся в пучину Леты» [Воронцова 2002, 16].

А.Н. Толстой, принадлежавший дворянской культуре, впитавший усадебный быт рубежа XIX–XX вв., создал в рассказе «Ночь в степи» не идиллический образ уходящей в прошлое усадьбы, а романтический, не сатирический, а скорее иронический. В результате авторской работы над текстом был создан обобщенный образ русской дворянской усадьбы рубежа веков, в которой сохранились лишь внешние приметы быта и образа жизни владельцев, неприспособленных к стремительно изменяющимся социально-политическим и экономическим условиям. Это противопоставление реальных времени и царящих в усадьбе самодура-помещика нравов и рождает комический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексей Толстой и Самара: Из архива писателя. Куйбышев, 1982.
2. Богданова О.А. Рассказ А. Н. Толстого «Утоли моя печали» в контексте русской культуры // Алексей Толстой: диалоги со временем. М., 2017. Вып. 2. С. 9–19.
3. Воронцова Г.Н. Семейная хроника Тургеневых как источник ранних произведений А.Н. Толстого // А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний

- А.Н. Толстой и его литературное окружение). М., 2002. С. 15–28.
4. Гарбуз Г.В. Июльский политический кризис 1906 г. в Поволжье // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 551–554.
 5. Дерман А.Б. О гр. Алексее Н. Толстом // Русская мысль. 1914. № 2. С. 113–130.
 6. Дурасов В.А. Дуэльный кодекс. СПб., 1908.
 7. Михайловский Б.В. Русская литература XX века с девяностых годов до 1917 г. М., 1939.
 8. Рейфман И. Ритуализованная агрессия: Дуэль в русской культуре и литературе. М., 2002.
 9. Речь. 1911. 21 августа (3 сентября). № 228. С. 3–4.
 10. Скобелев В. В поисках гармонии: Художественное развитие А.Н. Толстого, 1907–1922 гг. Куйбышев, 1981.
 11. Толстой А.Н. Сочинения. Кн. 2. СПб., 1912.
 12. Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 15 т. М., 1929–1930.
 13. Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 15 т. М.; Л., 1927–1931.
 14. Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. М., 1982.

REFERENCES

(Articles from Scientific Journals)

1. Derman A.B. O gr. Alekseye N. Tolstom [About Count Alexey N. Tolstoy]. *Russkaya mysl'*, 1914, no. 2, pp. 113–130. (In Russian).
2. Garbuz G.V. Iyul'skiy politicheskiy krizis 1906 g. v Povolzh'ye [July Political Crisis of 1906 in the Volga Region]. *Izvestiya PGPU im. V.G. Belinskogo*, 2012, no. 27, pp. 551–554. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

3. *Aleksey Tolstoy i Samara: Iz arkhiva pisatelya* [Alexey Tolstoy and Samara: From the Writer's Archive]. Kuybyshev, 1982. (In Russian).
4. Bogdanova O.A. Rasskaz A.N. Tolstogo "Utoli moya pechali" v kontekste russkoy kul'tury [Tolstoy's Story "Quench My Sorrows" in the Context of the Russian Culture]. *Aleksey Tolstoy: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time]. Issue 2. Moscow, 2017, pp. 9–19. (In Russian).
5. Vorontsova G.N. Semeynaya khronika Turgenevykh kak istochnik rannikh proizvedeniy A.N. Tolstogo [Family Chronicle of the Turgenevs as a Source of Early Works by A.N. Tolstoy]. *A.N. Tolstoy. Novyye materialy i issledovaniya (Ranniy A.N. Tolstoy i ego literaturnoye okruzheniye)* [A.N. Tolstoy. New Materials and Research (Early A.N. Tolstoy and His Literary Environment)]. Moscow, 2002, pp. 15–28. (In Russian).

(Monographs)

6. Durasov V.A. *Duel'nyy kodeks* [Dueling Code]. Saint-Petersburg, 1908. (In Russian).

7. Mikhaylovskiy B.V. *Russkaya literatura XX veka s devyanostykh godov do 1917 g.* [Russian Literature of the 20th Century from the Nineties to 1917]. Moscow, 1939. (In Russian).

8. Reyfman I. *Ritualizovannaya agressiya: Duel' v russkoy kul'ture i literature* [Ritualized Aggression: A Duel in Russian Culture and Literature]. Moscow, 2002. (In Russian).

9. Skobelev V. *V poiskakh garmonii: Khudozhestvennoye razvitiye A.N. Tolstogo, 1907–1922 gg.* [In Search of Harmony: The Artistic Development of A.N. Tolstoy, 1907–1922]. Kuybyshev, 1981. (In Russian).

Акимова Анна Сергеевна, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Научные интересы: литература модернизма, творчество А.Н. Толстого, усадебный текст, усадебная культура, история литературы, текстология.

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0732-1854

Anna S. Akimova, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Senior Researcher. Research interests: literature of modernism, the works of A.N. Tolstoy, manor text, manor culture, the history of literature, textology.

E-mail: a.s.akimova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0732-1854